

Ю.В. Аленькова
г. Могилев, Беларусь

ЦИНИЧЕСКИЙ РАЗУМ КАК ТИП МОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА

*Вечное искушение, против которого я непрестанно веду
изнурительную борьбу, — цинизм*
Альбер Камю

Эпоха постмодерна — эпоха тотальной критики всех ценностей, провозгласив отказ от серьезности, заменив ее иронией, вывела на поверхность сознания моральную установку, достаточно глубоко укорененную в недрах человеческой культуры, — цинизм.

В философско-этической мысли под цинизмом понимается негативное моральное качество, форма морального зла, которое выражается в презрительном отношении к моральным, культурным ценностям общества. Современный цинизм вездесущ. Сегодня с его проявлениями человеку приходится сталкиваться почти ежедневно: от форм поведения, свойственных подросткам, до цинизма чиновников, начальников по службе, цинизма некоторых средств массовой информации и пр.

Эпоху конца XX века (эпоху губ, сжатых во "зло кривящейся ухмылке") Ж. Бодрийяр охарактеризовал как состояние "после оргии": "Оргия — это взрывной момент в современном мире; это момент освобождения в какой бы то ни было сфере..." [1, с.6]. Все мировые "мистерии" и "антимистерии": политические, экономические, сексуальные — прошли. Все бессознательные импульсы освобождены. "Сегодня игра окончена — все освобождено. И все мы задаем себе главный вопрос: что делать теперь, после оргии?" [1, с.7]. Человек оказался в аксиологическом вакууме. "Прославленное движение современности привело не к трансмутации ценностей, как мы мечтали, но к рассеиванию и запутыванию ценностей. Результатом всего этого стала полная неопределенность и невозможность вновь овладеть принципами эстетического и политического определения вещей" [1, с.17-18].

Цинизм как форма нравственного бытия индивида в эпоху "после оргии" стал предметом анализа нашумевшей книги немецкого философа Петера Слотердайка "Критика цинического разума". Название книги не случайно — автор начал работу над ней в год двухсотой годовщины со дня выхода в свет кантовской "Критики чистого разума".

Слотердаик называет цинизм квинтэссенцией эпохи XX века, рассматривая его как просветленное ложное сознание, или обновленное несчастное сознание, в котором просвещение "работает" с успехом, но без толку. Это сознание усваивает уроки просвещения, но не хочет и не способно применить их на практике.

В основе современного цинизма по утверждению Слотердайка лежит разрыв между человеческим знанием о мире (современный человек просвещен, не питает никаких иллюзий, все тайны открыты) и действием человека в мире (действием по навязанным извне правилам). И эта разорванность сознания еще ярче проявляется в противостоянии одиночного индивида и мира "Мал", толпы, мира диффузной массы, в ощущении серости повседневности, в пребывании между реализмом и грезами о невозможном.

В информационном обществе, возникает новая форма цинизма — информационный цинизм, выражающийся в работе средств массовой коммуникации. Информацией является все — от известия о велосипедной аварии до известия о катастрофе мирового масштаба. В ней нет разницы между великим и мизерным, существенным и несущественным,

значимым и пустым, вечным и сиюминутным: "В качестве новости годится все что угодно. Важное, неважное, выдающееся, малозначительное, выражающее главную тенденцию, эпизодическое — все без разбора выстраивается в единообразный ряд, причем единообразие по форме дает, как следствие, равнозначность и равнобезразличность. Откуда берется эта лишенная всяких тормозов тяга к информации, эта наркотическая зависимость от нее и эта необходимость ежедневно жить среди информационного шума, терпя непрерывную бомбардировку наших голов массами безразлично-важных, сенсационно-неважных новостей?" [3, с.344-345].

Цинизм признания всех данных в наблюдении фактов равнозначимыми выражается в том, что им отрицаются все ценности — отрицаются всего лишь посредством союза "и", который ставит на одну доску все, лишая человека каких бы то ни было моральных ориентиров, не предлагая ему никакой жизненной стратегии.

"Это "и" — мораль журналистов. Они, должно быть, дают профессиональную клятву в том, что, сообщая о каком-то одном деле, все как один будут связывать это дело и этот сообщение с другими делами и с другими сообщениями только союзом "и". Одно дело — это одно дело, и не более того... Эмпиризм mass media терпит только изолированные сообщения, и эта изоляция более эффективна, чем любая цензура, поскольку она заботится о том, чтобы связанное друг с другом в реальности никогда не связывалось в головах людей" [3, с. 349].

Если Энциклопедия эпохи Просвещения замышлялась как собрание знаний о самом важном, существенном для человека, то современные средства массовой информации оказываются наиболее радикальным средством против просветительства — они уничтожают важное, соединяя его с неважным посредством союза "и". Тем самым они уничтожают всякую философию.

"Mass media впервые обрели такой масштаб охвата, которого не знала никакая рационалистическая энциклопедия, никакое художественное произведение, никакая "философия жизни": обладая неизмеримой "емкостью", они стремительно двинулись к тому, о чем всегда могла только мечтать великая философия — к тотальному синтезу, — разумеется, при нулевом уровне интеллекта, в виде тотального арифметического суммирования... Поскольку они установили для себя нулевой уровень мысленного проникновения в то, о чем сообщают, они могут давать все и говорить обо всем, и все это опять-таки только по одному разу. У них есть только один-единственный интеллектуальный элемент — союз "и". С помощью этого "и" можно поставить буквально все по соседству со всем. Так возникают цепи и ряды, которых и вообразить себе не мог ни один рационалист и ни один эстет: сберегательные вклады — и — театральные премьеры — и — чемпионаты мира по мотоголкам — и — налогообложение проституток — и — государственные перевороты... Mass media могут говорить обо всем, потому что они окончательно отбросили тщеславную затею философии — понять то, о чем говорится. Они охватывают все, поскольку не схватывают и не понимают ничего" [3, с. 348-349].

Подобная форма цинизма рождается в том типе культуры, который Ж. Делез и П. Гваттари охарактеризовали как ризоматический. Ризома представляет собой корневище, в котором нет главного стержня, что противоположно корневой системе дерева (в этом контексте уместно противопоставление классической культуры как культуры древесной и культуры постмодерна как ризоматической). "Дерево ассоциируется со словом "быть", а ризома, чтобы стать сетью, предполагает конъюнкцию "и...и...и". У этой конъюнкции достаточно сил, чтобы надломить и искоренить

слово "быть" [2, с. 30]. Лишенная онтологических оснований, ризома представляет собой некое "меж-бытие". Соответственно, и путь культурного развития прочитывается иначе: "Куда вы направляетесь? Откуда вы идете? Куда вы хотите прийти? – все это бесполезные вопросы. Сделайте доску чистой, прийти или вернуться к ничто, искать начало или основание – все это навязывает ложное представление о путешествии и движении" [2, с. 31].

Рассматривая цинизм как нерв эпохи XX века, Слотердаjk не придерживается историко-философской традиции, выводящий современный цинизм от древнегреческой школы киников, напротив, преодоление цинизма он видит в возрождении кинических форм бытия.

По Слотердаjку, античный кинизм, не дерзок, но в этой дерзости заключается метод, особый вид аргументации. Появление на сцене Диогена Синопского означало драматичнейший момент в поиске истины раннеевропейской философии – сопротивление идеалистической философии платоновского типа: "С Диогена в европейской философии начинается сопротивление игре "дискурса", расписанной заранее и разыгрываемой как по нотам....." [3, с. 132]. "Низкая теория" здесь впервые заключает свой союз с нищетой и сатирой. Дерзость Диогена, по Слотердаjку, "заключается в том, чтобы говорить так, как живут, и о том, что составляет жизнь" [3, с. 133].

Формой кинического сопротивления стало *обращение к телесности*. Греческий кинизм открыл животное человеческое тело и его жесты как аргументацию; он развил пантомимический материализм. Слотердаjk рассматривает кинизм как реакцию на афинский господский идеализм, который выходит за рамки теоретических опровержений. Кинизм не высказывается против идеализма, он живет против него. "В идеализме, который оправдывает социальные и мировые порядки, идеи находят наверху и сверкают в свете внимания, устремленного к ним; материя находится внизу и представляет собой лишь отблеск идеи, тень, грязь. Как может живая материя защитить себя от такого принижения? Ведь она исключена из академического диалога, допускается в него только как тема, но не как экзистенция, не как реальное существование. Что же делать? Материя, живое и полное энергии тело, активно начинает доказывать свою суверенность. Изгнанное Низменное отправляется на рыночную площадь и демонстративно бросает вызов Вышнему. Фекалии, моча, сперма! "Прозывать", подобно собаке, но жить, смеяться и заботиться о том, чтобы создалось впечатление, что за всем этим стоит не безумие, а ясная рефлексия" [3, с. 135].

Животные проявления у киника Слотердаjk рассматривает как часть философского стиля и форму аргументации, характеризуя ядро кинизма как экзистенциализм. "Выносить на всеобщее обозрение низменное, требующее единения, интимное – это подрывная деятельность. Поклохуче учение призвано объяснять жизнь, кинику приходится выносить на рыночную площадь подавленную и угнетенную чувственность" [3, с. 135]. Таким образом, кинический принцип, по Слотердаjку, есть *во-площение: не вести речи против идеализма, а жить против него*.

В современном же циническом разуме место воплощения занимает разрыв. "Современные интеллектуалы не могут следовать принципу воплощения – так уж устроена культура. Интеллигенция, которой приходится играть свою социальную роль, вынуждена – сознает она то или нет – выступать в качестве пилотной группы, на примере которой можно наблюдать и исследовать экзистенциальную разорванность. Современный философ – в той мере, в какой он еще претендует на это имя, – превращает себя в шизоидное существо, состоящее из одного мозга – даже тогда, когда в своей теории обращает внимание на негативность, на оставленное за рамками, на униженное и похищенное" [3, с. 136].

Возрождение кинического "мужества сказать" в сочетании с "мужеством жить" есть, по Слотердаjку, выход из состояния современного цинизма. Быть готовым ко всему – вот мудрость, которая сделает тебя неуязвимым. И мудрость эта достигается на путях иронии, недоверия к фактам, фактам и пр. Не перегибать с серьезностью и не

растворяться в обывательской банальности. Тонкая игра, балансирование на грани. Ничего не утверждать, ничего не отрицать, жить по ту сторону всевозможных дуализмов...

Возможен ли такой выход из ситуации цинизма? Возможна ли ситуация вне дуализма добра и зла? Эта проблема, поставленная еще Ницше, актуализированная философией постмодерна, осталась неразрешимой. Выступив с тотальной критикой социокультурных оснований современного бытия, постмодерн не предложил позитивной программы. В ситуации балансирования на грани удержаться сложно. Может быть, вместо тренировки акробатического умения держать баланс, следует снова вернуться к поиску оснований?

Вопросы риторические. А пока личность скрывает под маской цинизма свою реакцию на неудавшуюся жизнь, и общество молчаливо попустительствует этому, выработав на уровне обывденного сознания представление о "здоровом цинизме".

Болезнь, ставшая нормой – признак здоровья...

Литература:

1. Бодрийяр Ж. "Прозрачность зла" – М.: Добросвет, 2000.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома / Сокр. перевод А. Усмановой // Философия эпохи постмодерна: Сб. переводов и рефератов. – Мн.: Красико-принт, 1996.
3. Слотердаjk П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.
4. Смирнов И.И. Между цинизмом и кинизмом // Studia culturae. Вып 3. Альманах культуры и культурологии и Центра изучения культуры философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. – СПб., 2002. – С. 154-160.